

УДК 821. 161. 111 + 130.2

DOI 10.18522/2227-8656.2022.6.14

EDN EMXMSР

Тип статьи в журнале – научная

**ТВОРЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ
КОНЦЕПЦИИ Ж. БОДРИЙЯРА
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ
КАРТИНЕ МИРА
Ч. ПАЛАНИКА: СИМУЛЯКРЫ,
ПОСРЕДНИЧЕСТВО,
ИСЧЕЗАЮЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

**CREATIVE RECEPTION
OF J. BAUDRILLARD'S
CONCEPT IN
CH. PALAHNIUK'S
POSTMODERN WORLDVIEW:
SIMULACRA, MEDIATION,
DISAPPEARING REALITY**

© 2022 г.

И. В. Ковтуненко*,
И. А. Кудряшов*

© 2022

I. V. Kovtunenکو*,
I. A. Kudryashov*

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
г. Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования – доказать, что «Удушье» Ч. Паланика является ярким примером художественного произведения, в котором системно реализуются воззрения Ж. Бодрийяра, а сам роман можно интерпретировать как своеобразную авторскую реакцию на эти воззрения.

Objective of the study is: to prove that Ch. Palahniuk's "Choke" is a vivid example of a work of art in which J. Baudrillard's views are systematically realized, and the novel itself can be interpreted as a kind of author's reaction to these views.

Методологическая база исследования. В основе методологии исследования лежат принципы герменевтического и междисциплинарного подхода к анализу авторской вымышленной действительности, правила философско-филологической компаративистики, метода экспликации авторских глубинных смыслов из наиболее существенных и значимых деталей психологического и речевого портрета персонажей. Используются возможности информационно-семиотического подхода к интерпретации художественного текста в свете философии Ж. Бодрийяра.

The methodological basis of the research. The research methodology is based on the principles of hermeneutical and interdisciplinary approach to the analysis of the author's fictional reality, the rules of philosophical and philological comparative studies, and the method of explication of the author's deep meanings from the most essential and significant details of the psychological and speech portrait of the characters. The possibilities of informational-semiotic approach to the interpretation of a literary text in the light of J. Baudrillard's philosophy are realized.

Результаты исследования. В творческой концепции Ч. Паланика современный мир – это паразитический конструктор, вечно пи-

Research results. In Ch. Palahniuk's creative concept the contemporary world is a parasitic constructor, forever feeding on the past and

тающийся прошлым и одновременно порождающий новые слои бессмысленности. «Пустые» социумы не балансируют на грани хаотического краха, наоборот, коллапс, энтропийная рука являются стимулом для радикальных изменений в культуре. Через болезненную борьбу с самим собой и обществом герои, воспроизводимые Ч. Палаником, освобождаются от ограничений, накладываемых симуляцией. Культурная и индивидуально-личностная дезинтеграция открывает мир возможностей для реструктуризации, и именно эта потенциальная реструктуризация становится предметом авторского осмысления в романе «Удушье».

Перспективы исследования. В романе «Удушье» Ч. Паланик предлагает как диагностику симуляции, так и действенный механизм избавления от ее разрушительных последствий. Для Ч. Паланика – как, собственно говоря, предполагал Ж. Бодрийяр – знаки и образы полностью лишены смыслового содержания. Исследуемый роман изобилует словесными иллюстрациями отсутствующих и опосредованных референтов, особенно в сфере идентичности личности. Личности большинства персонажей в значительной степени оказываются необоснованными конструкциями. В этой связи перспективным оказывается детализация философского содержания целостной персонажной зоны романа с учетом концепций иных постструктуралистов.

Ключевые слова: постструктурализм; постмодернизм; пустой знак; означаемое; означающее; симуляция; гиперреальность.

simultaneously generating new layers of meaninglessness. “Empty” societies do not balance on the verge of chaotic collapse, on the contrary, collapse, entropic hand, are an incentive for radical changes in culture. Through a painful struggle with himself and society, Ch. Palahniuk’s heroes are freed from the restrictions imposed by the simulation. Cultural and individual-personal disintegration opens up a world of possibilities for restructuring, and it is this potential restructuring that becomes the subject of the author’s comprehension in the novel “Choke”.

Prospects of the study. In the novel “Choke”, Ch. Palahniuk offers both a diagnosis of simulation and an effective mechanism for getting rid of its destructive consequences. For Ch. Palahniuk – as, in fact, for J. Baudrillard – signs and images are completely devoid of their semantic content. The novel under study is replete with verbal illustrations of absent and mediated referents, especially in the field of personal identity. The most of the characters’ personalities largely turn out to be unfounded constructions. In this regard it is promising to detail the philosophical content of the integral character zone of the novel, taking into account the concepts of other poststructuralists.

Keywords: poststructuralism; postmodernism; empty sign; signified; signifier; simulation; hyperreality.

Введение. Во многих философских концепциях и литературных теориях, возникших на постструктуралистской исследовательской платформе, выдвигается мысль о том, что реальность исчезла (Jaime, 2019. P. 15), (Kudryashov, Turanova, 2021. P. 153). Аргументом этого суждения выступает современное состояние повседневности, которое квалифицируется как бесконечный парад пустых знаков и имитаций «реального» мира, некогда, возможно, существовавшего, но к настоящему моменту скопированного и усовершенствованного до существенной степени распада.

Человек эпохи постмодерна сталкивается с поразительным гиперреальным опытом восприятия окружающей действительности. Современный мир превращается в гобелен разрозненных представлений, которые, как полагает Ж. Бодрийяр, не имеет никакого отношения ни к какой реальности вообще и с течением времени станет своим собственным чистым симулякром (Бодрийяр, 2017. С. 7). Объекты, события и вариативная идентичность личности испытывают деградацию смысла, а субъекты и вещи, как и их расположение в пространстве, становятся не чем иным, как малостоящими подделками самих себя. Все аспекты окружающей реальности воспроизводятся как уникальное творение, однако на самом деле являются механическим набором имитаций, образующих пустое целое.

Методологическая база исследования (теоретические основы).

Социолог-мизантроп, экономист и философ Жан Бодрийяр известен прежде всего своей тотальной критикой онтологических основ общества. Следствием этой критической атаки становится его нигилистическая концепция, постулирующая что реальность – это не что иное, как одна сложная симуляция (Бодрийяр, 2017. С. 9). Полагаясь на принципы экономической теории К. Маркса, труды Ф. де Соссюра в сфере семиологии, мыслитель делает попытку объяснить негативные последствия патологической склонности современного социума к подражанию и копированию. Делается вывод о том, что чем совершенней симуляция, тем скуднее ее смысловое содержание. Разрывание устойчивых связей между формой и содержанием приводит к непоправимому разрушению знака. Означающие («образы» в терминах Ж. Бодрийяра) маскируют отсутствие глубокой реальности; они не обладают заметными связями с конкретным означаемым или набором означаемых.

На первый взгляд, тезис Ж. Бодрийяра может показаться не более чем перефразированием постулата Ж. Дерриды о деконструкции. Однако Ж. Деррида трактует означающее как бесконечно расширяющуюся сущность, заключающую в себе многогранный и безграничный универсум потенциальных значений и, следовательно, являющуюся совершенно непознаваемой. Теория Ж. Бодрийяра отличается тем, что означающее ничего не «означает»; оно лишено всякого референциального значения. Для Ж. Дерриды означающее настолько переполнено переменными значениями, что невозможным оказывается различение одного конкретного означаемого. Другими словами, означающее становится бесконечно двусмысленным феноменом. Ж. Бодрийяр утверждает, что верным является обратное утверждение: мир образов полностью лишен какого-либо объективного значения. Это своего рода стена, за которой

стоит пустота, и в этом случае двусмысленность означающего заключается не в его бесконечной множественности, а в его абсолютной пустоте.

С точки зрения Ж. Бодрийяра, общество может функционировать только в условиях постоянного посредничества образов (Бодрийяр, 2017. С. 119). Человек никогда не сможет прорваться к непосредственной реальности, поскольку есть только способы взглянуть на реальность, которые составляют ее реальность. В основе идеи Ж. Бодрийяра об образах нет подлинной реальности, а поэтому человек имеет дело с изменениями в восприятии реальности. Другими словами, «реальность» и значение настолько «реальны» или значимы, насколько человек их воспринимает. «Реальность» присоединяется к образу или означающему через посредничество.

Ж. Бодрийяр приходит к выводу, что весь наш мир действует по такому принципу посредничества; все имитирует реальность, которая существует только через внешний источник, сообщающий, что симуляция содержит эту реальность. Нет спасения от абсолютной субъективности и, по сути, всеобщей бессмысленности. В бодрийяровском мире такая бессмысленность маскируется под все более совершенные симулякры и разрастается, преобразуясь в запутанное ничто, оторванное от какой бы то ни было реальности.

С момента появления зловещей и безотрадной концепции Ж. Бодрийяра о симуляции, и даже несколько ранее многие прозаики реализовывали подобные идеи в своих художественных текстах (Т. Пинчон, Д. Делилло и Дж. Дж. Баллард и др.). Так, в провокационной прозе Ч. Паланика, особенно в романе «Удушье», находит многомерное воплощение предположения о том, что означаемое исчезло. Многие тексты этого автора пропагандируют как насильственную эволюцию бодрийяровской мысли, так и массовый регресс в межличностной коммуникации, выявляют специфику симуляции и посредничества, однако, отклоняются в сторону более обнадеживающего будущего. Роман «Удушье» является прямым потомком таких литературных оплотов, как «Выкрикивается лот 49» Т. Пинчона, «Белый шум» Д. Делилло, которые поднимают актуальные проблемы взаимосвязей информационного потока, смысла и перекройки реальности.

Литературная критика, фокусирующаяся на творчестве Ч. Паланика, часто несправедливо маркирует его тексты как «поп-лит» (Чемезова, 2021; de Chavez, 2018; Keeseey, 2016). Большая часть исследований посвящена его самому известному роману «Бойцовский клуб» (который, в свою очередь, был экранизирован) (Fuentes, 2018; Lizardo, 2007; Mohd Said, 2020). Роман «Удушье», несмотря на плотность смыслового содержания и приверженность симулятивному миру Ж. Бодрийяра, стоит

особняком в сфере исследования современной литературы, остается практически не изученным научным сообществом.

Признается уникальность положения Ч. Паланика в современном литературном процессе. В частности, указывается, что в его текстах содержится глубокое подозрение в отношении добрых намерений общества, а за социальной заботой о личности не скрывается ничего, кроме тиранического императива общества сохранять свою власть над личностью (Mohammed Hasan, 2018). Делается вывод о том, что романы Ч. Паланика посвящены проблеме выживания современной культуры (Shahriari, Toosi, 2017). Все его художественные произведения ниспровергают диктат доминирующих дискурсов, фиксируют бегство от господствующей культуры.

По сравнению с изучением широкого спектра проблематики текстов Ч. Паланика, актуальным является исследование, посвященное онтологической и гносеологической основе алармистской позиции автора по поводу негативных последствий современной культуры. Подобный ракурс исследования обуславливает необходимость выявления имманентных связей прозы Ч. Паланика с понятиями «симуляция», «посредничество», «пустота», которые были разработаны Ж. Бодрийяром.

Художественные тексты Ч. Паланика часто заканчиваются надеждой и недвусмысленным романтизмом, в его творчестве проявляется своеобразный цикл, в котором разрушение всегда ведет к созиданию, а смерть – к возрождению. Подобные выводы настоятельно требуют дальнейшей детализации. В ходе рецепции прозы этого автора читатель сталкивается с очевидной обнадеживающей позицией. В связи с этим напрашивается вопрос, на который исследователи еще не дали ответа: какие надежды относительно развития общества и культуры выражает Ч. Паланик, порождая художественные тексты?

Авторский оптимизм проистекает из веры в то, что изменение формы и перестройка реальности возможны. Ч. Паланик выражает надежду на скорое возвращение значений знакам, спасение реальности от оков симуляции. Всего этого можно достигнуть, проделав один маленький шаг. В тексте романа «Удушье» обнаруживаются дестабилизирующие персонажи и события, отражающие меняющееся понимание энтропии по отношению к информации и культуре. Автор трактует хаос и разрушение как фундаментальные силы и неявно советует читателю привыкнуть к этим силам, иначе может последовать безумие из-за тщетной борьбы с основополагающими хаотическими силами природы.

Проблема бодрийяровской симуляции не представлена в научных дискуссиях о художественных текстах Ч. Паланика. Вместе с тем его

романы изобилуют яркими примерами, иллюстрирующими теорию Ж. Бодрийяра в действии. Роман «Удушье» является настоящей сокровищницей критической реализации указанной теории. Этот текст многомерно воспроизводит мир Ж. Бодрийяра, в нем фиксируются попытки обозначить пути выхода из этого мира.

Результаты. Ч. Паланик воспроизводит полный кошмар в формате идей Ж. Бодрийяра, мир, в котором событийность не обосновывается реальностью. Индивид и все аспекты внешнего мира предстают, по сути, пустыми симулякрами. Однако несмотря на избыточную пустоту смысла, персонажи предпринимают попытки создать что-то осязаемое и реальное в мире, где все является «копией копии копии» или означающее наделено возможностью продержаться дольше, чем означаемое. В этих попытках создать реальность текст романа порывает с идеями Ж. Бодрийяра.

В романе «Удушье» Ч. Паланик в конечном счете выступает за выход человечества из бессмысленной симуляции (Ж. Бодрийяр, по всей видимости, безропотно принимает ее). Первостепенная задача автора заключается в том, чтобы уничтожить пустой знак, вырвать его с корнем из современной культуры и межличностной коммуникации, вернуть осмысленные связи между формой и содержанием знака. В определенном отношении роман Ч. Паланика пропагандирует примитивизм взглядов на реальность: чтобы разрушить «пустоту» Ж. Бодрийяра, мир должен быть буквально разорван на части.

Устойчивые корреляции между означающим и означаемым, возрождение смысла, могут быть обретены, если на смену старым знакам придут новые знаки. Старые знаки должны быть радикально уничтожены, в противном случае они будут продолжать умножаться и неизбежно искажать новые, непустые означающие. Такой радикальный сдвиг в коммуникации может быть достигнут только путем серьезной реструктуризации культуры. В «Удушье» такая реструктуризация начинается с идентичности индивида и каскадом распространяется вовне; «Я» выравнивается и перестраивается. Освобожденное «Я» пытается выровнять и перестроить культуру.

Вследствие полного уничтожения посредничества роман Ч. Паланика прорывается сквозь туманную дымку, которой Ж. Бодрийяр окутал социум. Разрушаются основы пустоты, которые поддерживают современный мир, открывается возможность для обсуждения новых коммуникативно-философских перспектив конструктивного развития. Роман «Удушье» имплицитно подразумевает множество авторских уникальных идей, касающихся постмодернистской реальности и идентичности. В данном исследовании

довании проводится анализ текста этого романа через призму постулатов Ж. Бодрийера, что дает возможность детализировать решение Ч. Паланика вывести социальную эволюцию за пределы черной дыры симуляции и посредничества, повергающей человечество в шок.

Персонажи Ч. Паланика являются свидетельством жизнестойкой силы противостояния агрессивным и настойчивым нападениям современной культуры. Однако, как представляется, в прозе Ч. Паланика на карту ставится нечто большее, чем элементарный баланс сил между человеком и культурой. Под вопросом оказывается сама природа реальности. Рассмотрение художественного творчества Ч. Паланика сквозь призму идей Ж. Бодрийера дает возможность пролить свет на авторскую концепцию относительно того, может ли забота о структуре смысла и реальности быть полностью реализована.

Обсуждение. В романе «Удушье» Ч. Паланик с мрачновато-сатирической самоотверженностью творчески перерабатывает идеи Ж. Бодрийера. Эта самоотверженность становится краеугольным камнем повествования, данью уважения концепции симуляции и посредничества.

Ида Манчини, мать главного героя романа Виктора Манчини, комментирует: *“We don’t live in a real world anymore... We live in a world of symbols”* (Palahniuk, 2010. P. 151) / *«Мы больше не живем в реальном мире... Мы живем в мире символов»* (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – И. К., И. К.). Данная диалогическая реплика, кажется, вырвана непосредственно из уст самого Ж. Бодрийера. Напоминая читателю об идеях философа-постструктуралиста практически при каждом повороте сюжетной линии повествования, рассказчик демонстрирует пронизательное понимание той роли, которую играет симуляция в социуме эпохи постмодерна.

Роман начинается с мифа о девушке, которая *“...traced the outline of her lover’s shadow so she would always have a record of how he looked traced the outline of her lover’s shadow so she would always have a record of how he looked”* (Palahniuk, 2010. P. 5) / *«...проследила контур тени своего возлюбленного, чтобы у нее всегда был образ, как он выглядел»*. По контуру возлюбленного, нарисованному на стене, отец девушки смоделировал глиняную версию молодого человека, и из этой системы воспроизведения и несовершенного моделирования родились символы. В сознании читателя этот миф запускает сравнение с порядками симулякров Ж. Бодрийера. Образ возлюбленного воспроизводится как реальная личность, что соответствует представлениям о том, что, возможно, где-то, когда-то знаки были наполнены реальностью; это начальная стадия,

на которой знаки еще не играют с социальной «реальностью», поскольку в них еще доминирует взаимный и нерушимый символический порядок.

Последующее описание возлюбленного девушкой наглядно отражает первый порядок симулякров, в котором форма соотносится не с конвенциональным содержанием, а с произвольными значениями. Затем тень преобразуется в глиняную статую. Аналогичным образом, во втором порядке симулякров доминируют повторяющиеся знаки, которые не воспроизводят объекты реальности, а намекают на их существование. С первых же страниц повествования читатель знакомится с тремя этапами порядка симулякров. Центральная посылка текста романа предопределяется авторским намерением создать и потенциально разрушить такой имитационный порядок.

Сюжет романа вращается вокруг стремления антигероя узнать свое истинное происхождение. Перед читателем разворачивается безрассудная сага, которая изобилует симуляцией и посредничеством. Самоидентификация Виктора перманентно изменчива. На протяжении всего романа Виктор формирует свою личностную идентичность под влиянием Иды, его матери, и социума в целом. Виктор верит, что он неблагополучный ребенок матери-преступницы и ушедшего из семьи отца, признавая: *“I don't even pretend to be myself... I don't even pretend to know myself very well”* (Palahniuk, 2010. P. 21) / *«Я даже не претендую на то, чтобы быть самим собой... Я даже не претендую на то, что знаю себя очень хорошо»*. Изначально антигерой не обладает способностью к самореализации. Навещая мать, которая умирает в психиатрическом отделении, он даже не представляет себя ее сыном.

Антигерой объясняет, что когда он стал приходить в больницу, идентифицируя себя в качестве сына своей матери, под именем Виктора Манчини, ни один из этих визитов не длился более десяти минут. Мать Виктора стала считать, что он – это Фред, один из ее знакомых адвокатов. Он искусно воссоздает личность Фреда, предварительно продумав все детали, вынужден имитировать образ этой личности, чтобы поддержать отношения с матерью. Будучи самим собой, он не в состоянии установить с ней истинные отношения, а поэтому имитирует другую личность, чтобы стать полноценной частью мимолетной жизни своей матери.

Виктор также имитирует личность других персонажей. Некоторые пациенты из больницы, в которой лежит его мать, обвиняют его в преступлениях из своего прошлого. Виктор берет на себя те роли, которые они ему предназначают. Для одной пожилой женщины он имитирует личность ее старшего брата-насильника, для другой женщины – личность человека, который некогда убил ее любимую собаку. Виктор ве-

рит, что, поскольку эти пожилые люди нуждаются в утешении перед смертью, он оказывает им услугу. На самом деле все, что он делает, предстает прямым доказательством пустоты его собственной самоидентификации. У него отсутствует собственная идентичность, а поэтому он имитирует другие личности. Для своей матери, как и пациентов больницы, Виктор становится чем-то вроде гиперреального существа. Его симулированные личности указывают на размывание различий между реальным и вымышленным миром.

Личности, имитируемые Виктором, не имеют ничего общего с реальными прототипами, которые функционируют как знаки примирения. Единственная «реальность», которую означают эти симулированные идентичности, – это реальность, опосредуемая Виктором. Антигерой осознает, что он стал немногим большим, чем имитируемый индивид. «Я» антигероя оказывается сосредоточием опосредованных характеристик, его личность – «лоскутная» симуляция. «Я» антигероя оказывается сосредоточием опосредованных характеристик, его личность – «лоскутная» симуляция. Его жизнь трансформируется в перманентную симуляцию. Симуляция предопределяет радикальные изменения опосредованного значения означающих: все позитивное трансформируется в свою противоположность, в терминах Ж. Бодрийера, приводит к диаметрально обратным результатам.

Личность каждого персонажа и событийная канва повествования практически пропитаны симуляцией. Очевидно, что Ч. Паланик заимствует идеи у Ж. Бодрийера и вплетает их в сложный сюжет, наполненный пародией, стилизацией и черным юмором. Данный художественный текст содержит в себе гиперреальный мир, населенный персонажами, имитирующими свои личности, одновременно обнаруживающими пустоту реальности.

С опорой на образы персонажей и событийную линию повествования автор развивает идеи симуляции и посредничества. В тексте также предпринимается попытка воссоздать значимое соответствие между означающими и означаемыми, между образами и смыслами. Ж. Бодрийер утверждает, что все может быть сделано (и было сделано), а все, что человек может сделать, так это собрать кусочки культуры и идти к ее пределам. Ч. Паланик сопротивляется таким рассуждениям, демонстрирует, насколько они бесполезны и бессмысленны. Через весь текст романа красной линией проходит идея о чистой коммуникации, озвучивается отказ от опосредованной реальности. В «Удушье», как и во многих других романах Ч. Паланика, поток истинного смысла может вернуться в социум, как только исчезнет вся совокупность опосредованных, смо-

делированных «значений». Текст романа прославляет разрушение, которое осуществляется в поисках надежды на последующее созидание. Крах идентичности антигероя романа и ее последующее возрождение предстает парадигмой антибодрийеровской философии Ч. Паланика.

По мере разворачивания сюжетной линии повествования антигерой отказывается от попытки создать свою идентичность из палитры существующих философско-социологических концепций. Он умоляет показать ему какую-либо вещь, которая не является симуляцией. Однако в современном обществе не существует реальности, а поэтому никто не в состоянии показать ему вещь с подлинным значением. Антигерой вынужден вырваться из культуры симуляции, сознательно отделив свое «Я» от собственной истории и опосредованного восприятия своего прошлого другими персонажами.

В момент просветления антигерой осознает, что он должен редуцировать свою личность к самым простым и непосредственным понятиям, потому что *“There’s no way you can get the past right. You can pretend. You can delude yourself, but you can’t re-create what’s over”* (Palahniuk, 2010. P. 273) / *«Ты никак не можешь исправить прошлое. Ты можешь притворяться. Ты можешь обманывать себя, но ты не можешь воссоздать то, что закончилось»*. К концу романа антигерой представляет собой скорее чистую страницу, чем полноценного субъекта сюжетной линии. Он более не идентифицирует свою личность в качестве перманентно развивающейся симуляции, которая формируется в связи с внешним посредничеством. Он становится чистым листом, на котором возможно написать его собственную самогенерированную личность.

Читателю может показаться, что дилемма Ж. Бодрийера решается в романе «Удушье» несколько поверхностно и не до конца. Автор намеренно не доводит сюжетную канву повествования до логического завершения. В имитируемой реальности, где вся информация производится и передается индивидам с гиперкинетической скоростью, было бы логично, чтобы было явно обозначено разрешение указанной дилеммы или парадигматический бунт против нее. Поскольку роман заканчивается вскоре после того, как антигерой упрочивает приверженность невежеству, а поэтому будущее оказывается неопределенным. С реальностью может случиться все, что угодно: гармоничное воссоединение образов и смыслов так же потенциально возможно, как и последующее продолжение процессов пустой симуляции. План Виктора Манчини сформировать идентичность своей личности и релевантно воспринимать реальность может привести как к уничтожению всех симулякров, так и оказаться совершенно бесполезным.

Согласно критическим взглядам Ж. Бодрийяра, мир достиг точки, когда борьба с силами симуляции невозможна. В теории мыслителя нет никакой надежды на действенность поисков смысла, поскольку процесс создания симулякров, скорее всего, будет усиленно продолжаться. Как ответ на этот пессимистический нигилистический взгляд, роман «Удушье» представляет собой открытое пространство. Неопределенность заключительной части романа допускает как надежду на потенциальную возможность конструктивного, наполненного смыслом будущего, так и предположение о том, что побег от симуляции на самом деле возможен.

Заключение. На первый взгляд, роман «Удушье» далек от того, чтобы стать предвестником нового культурного порядка. Это художественный текст, который кажется поучительной историей о дисфункциональном поведении современного человека и его неопределенной идентичности в социуме. Тем не менее сила романа заключается в том, что автором предлагается определенное видение современной реальности и использована теория симуляции Ж. Бодрийяра, предложена оригинальная альтернатива моделирующей реальности Ж. Бодрийяра. Ч. Паланик предлагает читателю облаченное в художественную форму исследование симулякров в современном социуме, наделяет его надеждой выйти за рамки пустой симуляции и бесконечного посредничества.

Общество скопированных означающих, лишенное ассоциативных и опосредованных значений, может быть таким же деструктивным, как и социум, в котором реальность исчезла. В конце концов, что может быть хуже: нехватка реальности в объектах окружающего мира или нехватка метафорических смыслов. Для персонажей романа «Удушье» ответ очевиден: абсолютная реальность предпочтительнее нереальных значений.

Ч. Паланик виртуозно диагностирует ловушки бодрийяровского мира, предлагает выбор между решительными действиями или бездействием, альтернативу между тем, чтобы оставаться рабом симуляции или вырваться на свободу. Читатель должен решить самостоятельно, оставаться ему невежественным перед лицом избытка опосредованного знания и пустого «смысла» или же безоговорочно признать усиливающуюся предопределенность жизни социума симулякрами. Роман выступает редким маяком надежды на возвращение к реальности.

Литература

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Москва: Рипол Классик, 2017. – 240 с.

References

Baudrillard J. (2017) Simulacra and simulation / J. Baudrillard. – Moscow: Ripol Classic. – 240 p.

Чемезова Е. Р. «Токсичная» американская литература / Е. Р. Чемезова // *Litera*. – 2021. – № 10. – С. 97–103. – DOI 10.25136/2409-8698.2021.10.36271. – EDN AQNHJY.

de Chavez J. The political subject is a lover not a fighter: reading Chuck Palahniuk's *Fight Club* as a love story / J. de Chavez // *ANQ: A Quarterly Journal of Short Article, Notes and Reviews*. – 2018. – Т. 31. – № 2. – P. 123–131. – DOI 10.1080/0895769X.2017.1369863.

Fuentes C. F. Chuck Palahniuk's *Fight Club* under a different lens: pressures on the male body in community and the question of masculinity / C. F. Fuentes // *Odisea. Revista de Estudios Ingleses*. – 2018. – № 19. – P. 53–72. – DOI 10.25115/odisea.v0i19.2008.

Jaima A. R. Literature is philosophy: on the literary methodological considerations that would improve the practice and culture of philosophy / A. R. Jaima // *The Pluralist*. – 2019. – 14 (2). – P. 13–29. – DOI 10.5406/pluralist.14.2.0013.

Keeseey D. Understanding Chuck Palahniuk / D. Keeseey. – Columbia: University of South Carolina Press, 2016. – 274 p. – DOI 10.2307/j.ctv6sj8cj.

Kudryashov I. A. The author's manipulation of the space and time categories as a factor in reader's identifying with the character's image / I. A. Kudryashov, A. Yu. Turanova // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2021. – № 2(26). – P. 151–156. – DOI 10.18454/RULB.2021.26.2.4.

Lizardo O. *Fight Club*, or the cultural contradictions of late capitalism / O. Lizardo // *Journal for Cultural Research*. – 2007. – № 11(3). – P. 221–243. – DOI 10.1080/14797580701763830.

Mohammed Hasan A. D. Transition and transgression of identity in Chuck Palahniuk's *Survivor* / A. D. Mohammed Hasan // *Sino-US English Teaching*. – 2018. – № 15. – Vol.1. – P. 38–43. – DOI 10.17265/1539-8072/2018.01.006.

Mohd Said N. A. Order in disorder: exploring chaos theory in the narrative structure of Chuck Palahniuk's *Fight Club* / N. A. Mohd Said A. A. Termizi // *3L The*

Chemezova E. R. (2021) "Toxic" American literature / E. R. Chemezova // *Litera*. – No. 10. – Pp. 97-103. – DOI 10.25136/2409-8698.2021.10.36271.

de Chavez J. (2018) The political subject is a lover not a fighter: reading Chuck Palahniuk's *Fight Club* as a love story / J. de Chavez // *ANQ: A Quarterly Journal of Short Article, Notes and Reviews*. – Vol. 31. – № 2. – Pp. 123-131. – DOI 10.1080/0895769X.2017.1369863.

Fuentes C.F. (2018) Chuck Palahniuk's *Fight Club* under a different lens: pressures on the male body in community and the question of masculinity / C. F. Fuentes // *Odisea. Revista de Estudios Ingleses*. – Vol.19. – Pp. 53-72. – DOI 10.25115/odisea.v0i19.2008.

Jaima A.R. (2019) Literature Is philosophy: On the literary methodological considerations that would improve the practice and culture of philosophy / A.R. Jaima // *The Pluralist*. – 14 (2). – Pp. 13-29. – DOI 10.5406/pluralist.14.2.0013.

Keeseey D. (2016) Understanding Chuck Palahniuk / D. Keeseey. – Columbia: University of South Carolina Press, – 274 p. – DOI 10.2307/j.ctv6sj8cj.

Kudryashov I.A. (2021) The author's manipulation of the space and time categories as a factor in reader's identifying with the character's image / I. A. Kudryashov, A. Yu. Turanova // *Russian Linguistic Bulletin*. Vol. 2(26). – Pp. 151-156. – DOI 10.18454/RULB.2021.26.2.4.

Lizardo O. (2007) *Fight Club*, or the cultural contradictions of late capitalism / O. Lizardo // *Journal for Cultural Research*. – Vol. 11(3). – Pp. 221-243. – DOI 10.1080/14797580701763830.

Mohammed Hasan A. D. (2018) Transition and transgression of identity in Chuck Palahniuk's *Survivor* / A. D. Mohammed Hasan // *Sino-US English Teaching*. – Vol. 15. – T. 1. – Pp. 38-43. – DOI 10.17265/1539-8072/2018.01.006.

Mohd Said N. A. (2020) Order in Disorder: Exploring Chaos Theory in the Narrative Structure of Chuck Palahniuk's *Fight Club* / N. A. Mohd Said A. A. Termizi // *3L The Southeast Asian Journal of English Language*

Southeast Asian Journal of English Language Studies. – 2020. – № 26(2). – P. 37–49. – DOI 10.17576/3L-2020-2602-03.

Palahniuk Ch. Choke / Ch. Palahniuk. – N Y.: Anchor Books, 2010. – 138 p.

Shahriari H. A Thematic analysis of Palahniuk's fiction in light of epicureanism / H. Shahriari, G. A. Toosi // K@ta. – 2017. – Т. 19. – № 1. – P. 273-291. – DOI 10.9744/kata.19.1.25-31

Studies. – Vol. 26(2). – Pp. 37-49. – DOI 10.17576/3L-2020-2602-03.

Palahniuk, Ch. (2010) Choke / Ch. Palahniuk. – N Y.: Anchor Books, – 138 p.

Shahriari H. (2017) A thematic analysis of Palahniuk's fiction in light of epicureanism / H. Shahriari, G. A. Toosi // K@ta. – Т. 19. – Vol. 1. – Pp. 273-291. – DOI 10.9744/kata.19.1.25-31.

Для цитирования: Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А. Творческая рецепция концепции Ж. Бодрийяра в постмодернистской картине мира Ч. Паланика: симулякры, посредничество, исчезающая реальность // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11. – № 6(58). – С. 241–254.

DOI 10.18522/2227-8656.2022.6.14

EDN EMXMSP

История статьи:

Поступила в редакцию – 10.10.2022 г.

Получена в доработанном виде –

25.11.2022 г.

Одобрена – 02.12.2022 г.

Сведения об авторах

Ковтуненко Инна Викторовна

Доктор филологических наук, профессор,
сотрудник Южного федерального
университета

Information about authors

Inna V. Kovtunenکو

Doctor of Philological Sciences,
Professor, Employee
of Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
B. Sadovaya str., 105/42,
email: ivkovtunenکو@yandex.ru

Кудряшов Игорь Александрович

Igor A. Kudryashov

Доктор филологических наук, профессор,
сотрудник Южного федерального
университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, д. 105/42,
email: igalk@mail.ru

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Employee of Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
B. Sadovaya str., 105/42,
email: igalk@mail.ru